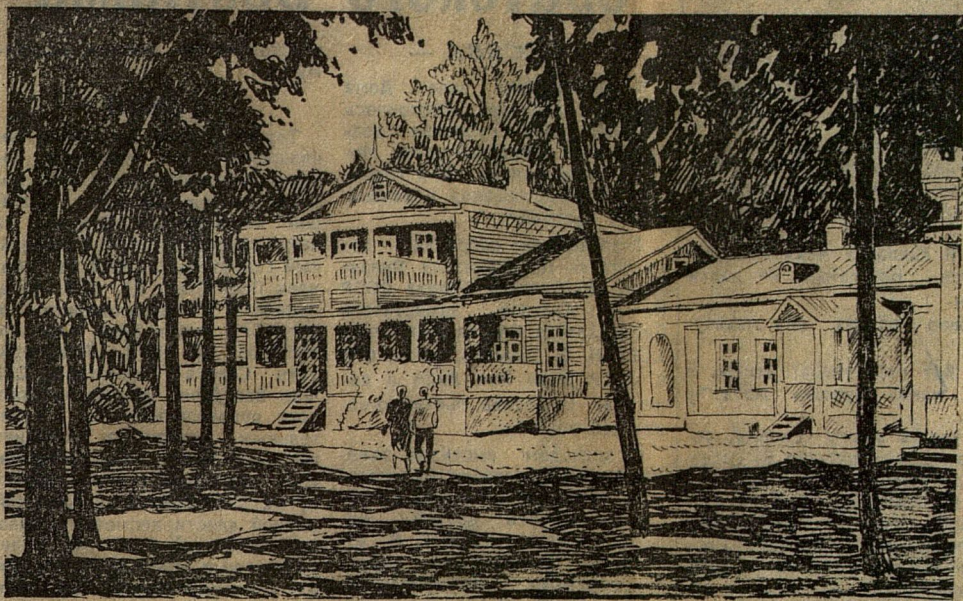

● Отечество

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО, СЕНТЯБРЬ

БЫЛО ПРЕКРАСНОЕ сентябрьское утро, одно из тех, которые случаются только в срединной России в начале осени, когда не холодно, но уже и не жарко, просыпается розовым паром земля, звонкая тишина стоит в желтеющих перелесках и день обещается быть радостным.

В точно такое ясное утро мы миновали Мценск, обгоняя редкие пока автомобили, скатились с холма, поднялись на другой холм, а затем свернули вправо, понимая, что через короткое время увидим усадьбу Ивана Сергеевича Тургенева. Последний раз он проезжал той же дорогой летом 1881 года. Никогда больше не был в этих «прямых русских, русским людям любимых» и родных ему краях. Умер два года спустя в Букивалле близ Парижа. Осталось письмо, адресованное другу Якову Полонскому: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь...».

Прошло сто лет, а потомки верно следуют этому завету, воспринимая сказанное, как самоличное, себе только адресованное. Из ближних и дальних краев едут сюда, в глубинку Орловской области. К дому, саду, дубу. Можно, вероятно, любить Достоевского или Толстого больше, чем Тургенева; в их, а не его произведениях, находить наивысшую усадьбу просвещенному уму. Но не ценить, не уважать, не робеть перед величием мастера слова нельзя.

Этот седой, огромный не только в переносном, но и в прямом смысле человек — он был росту под два метра — вошел в нашу с вами жизнь с молодых лет. Кажется порой, что он существовал всегда, хотя, когда Иван Сергеевич опубликовал первый из рассказов охотника, уже не было Лермонтова, Пушкина. Он писал об орловских мужиках, о нравственных исканиях молодых людей середины прошлого века, а все это трогает сердце и понине, спустя десятилетия, в наш прагматический век узких, специальных знаний.

Конечно, люди так устроены, что им, помимо зарплаты и материальных благ, многое еще нужно. К примеру, увидеть Ясную Поляну, Михайловское или Шахматово. Дело не в простом любопытстве и не в утехе эстетов и снобов. Притягательная и бескорыстная сила этих мест в том как раз и состоит, что в минуты свидания с ними

она и нас, обыкновенных людей, способна поднять до уровня духовных титанов, и нас дела пронизательными в сферах тончайших душевных движений.

И все же Спасское-Лутовиново — это особая, сердечная наша страница. Здесь Иван Сергеевич жил в детстве, сюда не раз приезжал надолго и в зрелые годы. Здесь задумал и написал большинство своих произведений, ставших классическими, — «Рудин», «Фауст», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», многое другое. Но чтобы понять Тургенева — отчего он такой писатель, а не иной, отчего человек в жизни легко ранимый, неустойчивый, крепко и точно владел мыслью и словом на страницах книг — мало знать подробности биографии и творчества, надо самому видеть дом, сад, аллею.

Представьте себе просторную асфальтированную площадку перед оградой старого сада и невысокой остроконечной часовней. С утра площадка уже полна машин, автобусов. По краю ее, напротив ворот и чуть влево — пруды. Бродят лениво коровы. У самой воды крочут куры, шумят крыльями гуси и толкаются утки. А за оградой — мир Тургенева. До дому, отстроенного в 1976 году таким, каким он был прежде, недалеко — сто метров от ворот. Вы уже в саду, вековые липы смыкают над вами развесистые кроны. Тургенева нет с вами физически, но он с вами, и вы видите и слышите его, быть может, самым главным зрением и слухом.

В основных комнатах дома представлены подлинные вещи писателя. Малиновый зvon английских часов фирмы «Риверс и сын», отсчитывавших время Ивану Сергеевичу, доносился до вас еще в галерее (они описаны в «Бригадире»). А потом вы видите их в столовой. Стоят в углу с надписью: «Бьют-молчат». А по стенам фамильные портреты (их описал Тургенев в «Старых портретах») — Фортеняно «Лихтеналь». На пиюитре — раскрытые ноты с романтической вальсом Йозефа Ланнера (помните «Асю»?): В молодости Тургенев, Григорьевич, Дружинин, Боткин разыгрывали здесь веселые домашние спектакли. В этом доме гостили еще и Щепкин, Лев Толстой, Савина, Полонский, Гаршин, Некрасов, Фет.

Дальше — в малой гостиной — знаменитый диван «само-сон». Он описан в романе «Накануне». А вот и рабочий стол и кресло. На столе — ручка писателя. К концу жизни он писал уже не гусиным, а стальным пером. Над столом — портреты Щепкина и Белинского. Поражает порядок. Ничего лиш-

него. По свидетельству Полонского, «аккуратность Тургенева не уступала его чистоплотности». Бывало, он поднимался среди ночи, вспоминая, к примеру, о забытых ножницах только з тем, чтобы положить их на место, привести в порядок письменный стол. Иначе не утра писать не мог.

И ВСЕ ЖЕ самое замечательное в усадьбе Ивана Сергеевича — «прадедовский чернотемный сад, какого не увидишь по сю сторону Москвы...» Уже при жизни Тургенева пышность сада несколько угасла, не стало цветников и розовых аллей, однако сад по сей день необычен вековыми липами, тополями, ясенями, елями, потаенными уголками в кустах жимолости и тем, что в его ветвях гнездится великое множество птиц, которые особенно по весне наполняют округу бодрым разноголосьем мудрого мироустройства.

А вот и место, где раскинул ветви могучий дуб, посаженный Тургеневым в детстве на просторной поляне за старым домом. Так и хочется погладить его по шершавой коре. «Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было, кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он» («Фауст»).

Да, чтобы понять Тургенева, надо увидеть его дом, сад. «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира; никто не знает, где мы, что мы — а с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое, тайное дело» («Пунин и Бабурин»).

Мы бродили по аллеям сада втроем. Гидами были Евгений Васильевич Проц, заведующий мемориальным домом, и Валентина Викторовна Сафронова, заместитель директора орловского музея И. С. Тургенева. Разумеется, не только любоваясь природой, восславленной Иваном Сергеевичем в романах, повестях, рассказах. Ведь и Фет, и Лесков, и Бунин, и Леонид Андреев — тоже орловцы, те же покойные просторы лежали перед их глазами.

Но как по-разному можно, оказывается, видеть мир, тебя окружающий! Тургенев — это Тургенев. У него все свое, незаемное, да и повторить тургеневское невозможно. Описание пейзажей и красот родной природы еще не делает писателя писателем. К тому нужно откровение мысли. Но и голая

мысль, не пропущенная сквозь призму жизни, травянистых лугов, озерца, заводей, заросших по концам ивняком и лозами, мягкого, слитного гула воркующих, трещащих, гомонящих птиц, отчего пошевелиться не хочется, «а на сердце не то лень, не то умиление» — тоже скучна сердцу. Получится что-то другое, но не литература, которая помогает познать себя самого, в себе разобраться и понять, что личное счастье не полно без счастья окружающих.

Мы остановили нескольких людей и задали им один и тот же вопрос: «Что вас привело сюда?»

Владимир Буссе-Мачунас из Москвы, инженер-химик: «Мы возвращаемся после отпусков на машине из Крыма — я, жена и дочь. Как же проехать мимо, когда близости родины Ивана Сергеевича? — «Это ваш любимый писатель?» — «Один из любимых. Но это же сам Тургенев...».

Виктор Санников из Новокузнецка, программист: «Нас целый автобус. Программисты, приехавшие со всех концов страны на курсы в Орел... С малых лет мечтал побывать у Тургенева. И вот я здесь. Хочу своими глазами увидеть ледаду. Это должно быть за прудом внизу с да...».

Лариса Попова, доктор-эндокринолог, приехала в Мценск из Ростова-на-Дону и матери, бывшей учительнице русского языка и литературы Тамаре Власенко. С ними подруга матери — Мария Юрьева, которая после войны работала секретарем Мценского райкома партии: «Мы здесь, наверное, в сотый раз, а все равно, как в первый. И всегда, покада хватит сил, будем сюда приходить и приходить. К нашему любимому Тургеневу!..».

Здесь на территории усадьбы, похоронены советские бойцы, погибшие в боях за освобождение тургеневских мест. Эти цветы мы несем Тургеневу, а эти — нашим солдатам и офицерам, на братскую могилу.

Сейчас в тургеневском саду — сентябрь. По дорожкам и аллеям уже шуршат опавшие листья, багрянцем рдеют клены, в сухом и чистом воздухе пахнут яблоками. Потом наступит зима — черные деревья, белый снег. А после февраля придет март, за тальми ручьями поспеет апрель: все вокруг обретет прежний зеленый и солнечный цвет, самый любимый Тургеневым. Жизнь бесконечна. Надо бы только помнить всегда: «Нет счастья вне семьи — и вне родины: каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю...».

В.А. АРСЕНЬЕВ.
спец. корр. «Известий».
Фото Вл. Кузьмина;
рисунк М. Соколова.